

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Жестокая справедливость
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=595245
Жестокая справедливость: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-47723-4

Аннотация

Московских оперов Льва Гурова и Станислава Крячко вновь срочно отправляют в командировку. В провинциальном городке Судаково убит глава местной администрации Захарухин. Убийца – судя по всему, профессионал – не оставил никаких следов; местные сыскари в глубоком ступоре, и вся надежда на знаменитых работников столичного МУРа. Начав расследование, Гуров выясняет, что вот уже целый год кто-то планомерно и очень профессионально убирает местный криминалитет. А поскольку Захарухин был тесно связан с ним, Гуров приходит к выводу, что все эти убийства связаны между собой. Но уж очень странным вырисовывается психологический портрет убийцы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Жестокая справедливость

Пролог

...Год назад.

Аня стояла на бетонной плите, которую положили перед «улиткой» автобусной остановки из оцинкованного железа, чтобы в дождь людям не приходилось шлепать к автобусу по лужам. На душе у девушки было легко и радостно. Она успешно сдала экзамены в местное педучилище дошкольного воспитания, и теперь ее наверняка зачислят на первый курс. Поступать именно сюда Аня решила еще во время учебы в школе. И если кто-то из ее друзей пошел в училище только потому, что она рядом с домом, или просто от нечего делать, то ей очень хотелось стать именно воспитателем детского сада.

А еще радовало, что сосед по улице Лешка, которого этой осенью должны забрать в армию и который до этого сроду не обращал на нее никакого внимания, случайно встретившись с ней около училища, предложил вечером прогуляться по «авенюшке». Так местная молодежь не без иронии прозвала центральный проспект Судакова их маленького провинциального городка. Аня стояла на остановке, не замечая того, как на ее лице буквально цветет мечтательная улыбка. День выдался жарким и, наверное, поэтому городок выглядел опустевшим. Даже на остановке, кроме Ани, больше никого не было.

Неожиданно перед ней остановился большой черный джип с тонированными стеклами. Из его кабины доносилась рычащая, бухающая динамиками сабвуфера музыка, какой обычно щеголяли всякие дешевые крутяки. Девушка подумала, что это, скорее всего, или какой-нибудь приезжий, собиравшийся спросить, как проехать по городу, или возомнивший о себе забуревающий лавочник, собирающийся с кем-нибудь «познакомиться».

«Если начнет приставать, пошлю к черту и убегу...» – решила Аня.

Но все произошло совершенно иначе. Двое рослых парней, выскочившие из машины, не говоря ни слова, подбежали к девушке и, схватив ее за руки, одним махом закинули в кабину. Аня даже не успела сообразить, что следовало бы позвать на помощь. Хотя кого звать-то? В радиусе сотни метров не было видно ни души.

Оказавшись в просторном салоне с дорогой внутренней отделкой, Аня молча смотрела на окружающее широко раскрытыми глазами. В уши била все та же развеселая музыка, от которой почему-то вдруг заledenела кровь, а сердце сжалось от невыносимой тоски. Это чужое веселье было для нее сродни улыбке мертвеца из фильма ужасов. Все происходящее казалось нелепым, дурным сном, который, лишь тряхни головой, немедленно прекратится. Исчезнет и эта проклятая машина, куда-то мчавшая ее на бешеной скорости, и эти двое злых парней, стиснувших ее с боков на заднем сиденье... Но вместе с этим вдруг пришло осознание того, что она попала просто в кошмарную ситуацию. Только теперь до нее дошло, что ее может ждать. Это было так невыносимо, так мучительно и страшно, что в какой-то миг Аня не выдержала и с отчаянным криком ринулась к дверце, намереваясь открыть ее и выпрыгнуть, пусть даже на ходу...

Но парни, злобно ухмыляясь, очень больно стиснули ее руки и стянули предплечья скотчем. Затем, достав широкий пластырь, заклепили им глаза и рот. «Боже мой! Боже мой! – чувствуя, как по щекам побежали слезы, обреченно размышляла Аня. – Что же делать? Ведь это конец... Они меня будут мучить, а потом убьют... Господи, ну, за что это мне? Почему именно я?!» Она слышала о пропажах девушек, которых иногда находили живыми, иногда

не находили совсем, но не могла даже представить себе, что нечто подобное может случиться с ней самой.

Она вдруг подумала о том, что станет с мамой, когда та узнает об ее исчезновении. Аня представила маму, обеспокоенно бегающую по улицам городка и расспрашивающую о дочери, и ее тело содрогнулось от беззвучных рыданий.

– Сиди, не дергайся, сучка! – неожиданно заорал сидевший слева, больно ударив ее локтем в бок. – Если будешь себя хорошо вести, ничего с тобой не случится. Поняла?

Аня чуть заметно, неуверенно кивнула в ответ. «А может, они меня все-таки отпустят?» – появилась в душе робкая надежда. Она понимала, что просто так из их рук ей не вырваться. Но... Боже! Как же хотелось жить!.. Как страшно было умирать, когда всего какие-то минуты назад весь мир казался добрым и мирным, а жизнь – радостной и бесконечной...

Испуганная девушка не поняла, как долго они ехали, но машина неожиданно остановилась, и парни, довольно грубо вытащив ее из кабины, куда-то повели за собой. Судя по отдающемуся эху, Аня сообразила, что они сейчас в каком-то помещении. В нос ударил машинный запах – не то смазки, не то чего-то похожего. Затем они поднялись по лестнице – парни небрежно поддерживали ее с обеих сторон – и вошли в другое помещение.

Здесь пахло уже дорогим парфюмом, приглушенно звучали чьи-то голоса. Вероятнее всего, это была жилая комната.

– Та самая? – послышался мужской незнакомый голос.

– Она, она! – подтвердили парни.

Аня вновь испытала приступ ледящего ужаса. Так, выходит, ее уже давно кто-то заприметил и охотился за ней?! И вот теперь привезли к нему на потеху...

– Вы пока свободны, – властно распорядился незнакомец. – Вернетесь, когда позову.

Аня услышала звук шагов и хлопнувшей двери. Теперь она буквально физически ощущала, что этот человек стоит перед ней и молча ее рассматривает. Как паук муху, попавшую в его липкие тенета, перед тем как высосать из нее все без остатка.

– Отпустите меня! Я вас очень прошу! – попыталась произнести она, но из-за пластыря, склеившего губы, смогла издать лишь жалобный стон.

Неожиданно чья-то рука бесцеремонно прошла по ее бедру снизу вверх, поднимая подол платья. Вне себя от отвращения Аня вскрикнула, резко выбросила связанные руки вперед, и они ткнулись в чье-то лицо.

– Ах ты, дрянь! – злобно прошипел голос из темноты, и щека тут же загорелась от полученной оглушительной оплеухи.

Аня упала на пол, больно ударившись головой. Неизвестный грубо поднял ее и швырнул куда-то назад. Она почувствовала, как под ней спружинило что-то просторное, накрытое тканью. Скорее всего, простыней. Девушка вслепую яростно отбивалась, но все было напрасно. На ее лицо и тело обрушились жестокие удары чьих-то кулаков. Страшная боль пронизала все ее существо. А неизвестный бил, бил и бил, время от времени впиваясь в беззащитное девичье тело грубыми жесткими пальцами, словно намеревался разорвать его на части. Даже когда у нее не осталось ни сил, ни воли к сопротивлению...

Как сквозь глухую пелену Аня услышала треск раздираемого на ней платья. А затем... Более мерзкой и унижительной боли она не могла себе даже представить. Теперь она мечтала только об одном – поскорее умереть, чтобы не чувствовать на своем теле этих гнусных липких рук, не слышать этого тошнотворного похотливого кряхтения насильника...

Прошло полчаса. А может быть, час? Или всего пять минут, показавшихся вечностью? Отдышавшись, озверевший подонок снова сбросил ее на пол и начал избивать ногами, нанося удары в живот, в грудь, по голове... Недвижимая, истерзанная, растоптанная, Аня лежала без единой мысли, даже без недавнего страха, ничего не ожидая, ничего не желая, целиком обратившись в сплошной комок боли, способный только как-то дышать...

Откуда-то издалека донесся ставший до безумия ненавистным голос мучителя:

– Давайте сюда! Берите ее, и вон, сбросьте где-нибудь в посадках или оврагах. Пусть ее там лисы обгложут. Брыкаться надумала, шалава! Можете сами с ней поработать. Что интересно, девкой оказалась. А я уж думал, тут одни только шлюхи остались... Ну, все, убирайте ее!

Парни чуть ли не волоком стащили Аню вниз по ступенькам и опять куда-то повезли. Но теперь ей было абсолютно все равно, куда и зачем. Оставят в живых? А есть ли смысл жить дальше? Убьют? Еще лучше... Только пусть убивают побыстрее, чтобы долго не мучиться...

Они ехали по кочковатой дороге, на которой машина то и дело виляла и подпрыгивала. Неожиданно под машиной что-то громко и отрывисто хлопнуло, и она, как-то нервно дернувшись, сразу же остановилась. Сидевший за рулем грубо заматерился. Захлопали дверцы, послышался голос одного из похитителей:

– ...Твою мать! Это какая ж сука тут борону положила? Охренеть! Все четыре колеса насквозь. Ну, и что теперь будем делать? Придется назад на одних ободах ехать. Да, а эту козу куда теперь определим?

– Куда-куда... Брось ее вон в те бурьяны, – откликнулся второй. – Пусть там доходит. Или уже подохла? Похоже, босс здорово перестарался.

– А ты ее что, не будешь? – гоготнув, спросил первый.

– Да на хер нужно! Я что, извращенец-некрофильщик? Покойницу трахать?!

– Да и я, пожалуй, тоже не стану. Ворон, ты девку не хочешь задействовать? – спросил он, видимо, шофера.

– Нашел дурака, – натужно сопя и громыхая какими-то железками, откликнулся тот. – Я хоть и Ворон, но падалью не питаюсь. Мне бы мяса свеженького, ненадкусанного...

– Э! Ты по погонялам-то какого хера базлаешь? А вдруг выживет? – заорал второй.

– Ладно, малость подстрахуемся... – проворчал первый, вытаскивая Аню из кабины и швыряя ее безвольное тело куда-то в колючий бурьян.

Деловито сопя, он стянул скотчем ее лодыжки, примотал руки к телу, чтобы она не могла ими двигать, и, удовлетворенно пробубнив, что «уж теперь-то девке точно кранты», сел в машину, хлопнув дверцей.

...Аня лежала в тягостном забытьи, ничего вокруг не видя и не слыша, и даже не отреагировала, когда рядом раздались пропитые мужские голоса:

– Васька! Гляди! Баба голая валяется! Смотри, связанная...

– Валим отсюда! А то, чего доброго, на нас повесят. Пошли!

– Постой! Может, она еще живая? Совсем же еще девчонка... Кто ж ее так-то? Давай уж хотя бы развяжем.

– Охренел, что ль? Двигаем отсюда, и поживее!

– Не, Вась, ты как знаешь, а я развяжу.

– Стой! Не подходи к ней! А то твои пальцы на ней останутся. Потом не отмажешься. Ладно, я ща по мобиле ментам звякну.

Через какое-то время снова раздался гул моторов, послышалось множество чьих-то голосов. Кто-то разрезал на руках и ногах Ани скотч, осторожно снял с лица полосы пластыря. Аня увидела свет, но он ей был уже не нужен. Пожилая женщина в белом халате, склонившись над девушкой, которую санитары положили на носилки и до подбородка укутали простыней, даже отшатнулась, встретившись с пустым взглядом живого робота, в котором не было ни страха смерти, ни жажды жизни...

Глава 1

...Четырехзвездочный отель «Меркури Буда» кипел своей обычной, если можно так скаламбурить, будничной жизнью. Его многоэтажная призма, с явными признаками модернистски-конструктивистских архитектурных веяний, напоминала гигантский улей, переполненный бескрылыми двуногими созданиями шестого дня Сотворения мира. В стеклянные двери вестибюля гостиницы ежеминутно входили и выходили десятки людей. Кто-то, прибыв в венгерскую столицу в гости или по делам, шел занимать апартаменты, а кто-то, как, например, полковник милиции Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный главка МВД России, крупный специалист по особо важным делам, наоборот, завершив свою миссию, направлялся к стоянке такси.

Спускаясь по ступенькам, Гуров посмотрел на часы. До вылета в Москву оставалось не более полутора часов – не опоздать бы в аэропорт! Неожиданно сзади послышался дробный стук каблучков, и его окликнул женский голос:

– Синьор! Лэв Гуров, падашдите! Вы уже уезжать?

Он оглянулся, увидел Витторию, свою соседку по конференц-залу, сотрудницу криминальной полиции Италии, и přátельски улыбнулся.

– Си, синьорина, пора домой. Извините, что не зашел проститься – время поджимает.

– Синьор Гуров, я имею пригласить вас в Неаполь, в наш управление. Мой коллеги просить вас приехать для обмен опыт. Вот наш телефоно. Добра путь!

Лев поблагодарил девушку за приглашение и направился к стоянке такси, думая, что уж куда-куда, а в Италию ему теперь заявиться будет сложновато. После той памятной поездки, когда они со Станиславом Крячко нелегальным образом вывезли из Сицилии российского криминального авторитета Бизона, озаботившегося продажей «атомной бомбы в чемодане» арабским террористам, итальянские власти едва ли примут его с распростертыми объятиями. Что ни говори, а по их законам они со Стасом, по сути, совершили похищение человека, что квалифицируется как особо опасное преступление.

Бывать за границей Гурову хоть и не особо часто, но доводилось. Помимо Италии, он ездил и во Францию, и в Германию, и в Великобританию... Да мало ли куда может забросить такого деятельного, не склонного к кабинетному высиживанию человека беспокойная сыщицкая судьба?..

Всю минувшую неделю он провел в Венгрии. Случилось так, что под эгидой европейского отделения Интерпола в Будапеште прошло что-то вроде то ли симпозиума, то ли саммита, то ли конференции самых известных спецов сыскного дела, куда пригласили и представителей России. Начальник главка генерал-лейтенант Петр Орлов – непосредственный начальник Льва Гурова (а заодно и их со Стасом старинный приятель) – о кандидатурах делегатов даже не стал задумываться и с ходу принял решение: Гуров. Точка. Собирался послать в Венгрию и полковника Крячко, но тот перед самым отъездом попал в больницу – преследуя бандитов, пытавшихся на его глазах ограбить инкассаторов, он на полном ходу врезался в идиота, который, возомнив себя излишне крутым, вылетел ему наперерез под красный сигнал светофора. Испытанный верный «мерин» Стаса и его закаленный всевозможными передрыгами хозяин отделались травмами средней тяжести. «Вольво» же автоидиота превратился в трудновосстановимый хлам, да и сам нарушитель ПДД пребывал в гипсе и запредельной меланхолии. Несмотря на героические заверения Станислава, что он в абсолютной норме, зануды-эскулапы упекли-таки его в госпиталь. Поэтому Гуров представлял всех российских сыщиков в одном своем лице.

И, надо сказать, представил вполне достойно. Во всяком случае, его доклад «Составление психологического портрета преступника на основании косвенных улик» произвел насто-

ящий фурор. Лев настолько авторитетно оперировал профессиональной терминологией психологов, что слушателям трудно было понять, кто он в большей степени – сыщик или профи от психологии.

За время этого саммита (симпозиума, конференции) у Гурова сложились вполне приятельские отношения с немцами, греками, голландцами, с представителями других делегаций. А с итальянцами, которых в Будапешт прибыло аж шесть человек, он почти подружился. Неведомо как прознав, что их сосед по семинарам и коллоквиумам несколько лет назад был в Италии с не совсем обычной миссией, те с ходу прониклись к нему необычайным уважением, между собой придя к твердому убеждению, что отдаленные корни Льва могли быть только неаполитанскими.

В ходе частных встреч он обсуждал с итальянскими коллегами проблемы борьбы с оргпреступностью. Уж кому-кому, а итальянцам эта тема была более чем близка и понятна – методы расследования спонтанной «бытовухи» при полном отсутствии следов и улик, а также проявления кровной мести. Как оказалось, в Италии такое явление бытовало до сих пор. Особенно в отдаленных сельских районах с еще сохранившимися элементами патриархального уклада.

Обсуждая за вечерним чаем (с дополнением итальянских вин) эти волнующие настоящего сыщика темы, Лев признался, что случаи «неправового решения конфликтов» свойственны и России. И не как пережиток былых традиций – за исключением разве что Кавказа и некоторых других регионов, – а как следствие коррупции органов и структур, призванных защищать закон. Проще говоря, «левосудие» провоцировало появление сторонников «уличного права».

Да, за эти дни и чаю, и кофе, и вина с коньяком было выпито немало. А еще больше «лилось воды» на темы «гуманистической толерантности», каковую надлежало бы являть при расследовании преступлений отморозков афро-азиатских корней. На эту встречу европейских сыщиков каким-то образом затесались и представители неких «правозащитных организаций», причем узкоспецифической направленности, нацеленных на защиту интересов не жертв преступлений, а их, так сказать, авторов.

В один из последних дней саммита, доведенный до белого каления занудливым нытьем особы транссексуального обличья, пеняющей сыщикам за то, что те, чуть что случись, сразу начинают видеть в этом дело рук бедных афроевропейцев или азиатов, он не выдержал и довольно жестко уведомил:

– Леди, синьора, мадам, вы, по сути, озвучиваете то, что усилиями некоторых наших политиканов в России практикуется уже довольно давно и весьма широко. Например, злодеяние, которое – что вполне справедливо – одним негодяям воздается двадцатью годами отсидки, а другим, почему-то «особо избранным», – половиной, а то и третью этого срока. Подобное «политкорректное дипломатничанье» ведет к возникновению в обществе опасных тенденций.

– Что вы имеете в виду? – недовольно процедила сквозь зубы «леди-синьора-мадам».

– Одних это развращает и поощряет на новые, еще более тяжкие злодеяния, других озлобляет и приводит к все той же ксенофобии, которую вы только что порицали. Закон должен быть одинаков для всех независимо от социального статуса, гражданства и расовой принадлежности. И мы, сыщики, должны вести расследование, сообразуясь не с политкорректностью, а со здравым смыслом и интересами пострадавших от действий уголовников.

К желчному неудовольствию «леди-синьоры-мадам», слова Гурова аудитория встретила аплодисментами. Вполне вероятно, именно это и стало причиной того, что организаторы сыщицкого форума, финансируемые из некоего, мало кому известного правозащитного фонда, отдали приз «Сыщик года» не Льву Гурову, чего ожидали очень многие, а англичанину Бигли – как земляку Шерлока Холмса.

...И вот они уже промелькнули, эти семь дней заседаний, дискуссий, встреч и дружеских бесед. Подойдя к такси, Гуров не смог не оглянуться. Что ни говори, а неделя, прожитая в «Меркури Буда», была чрезвычайно интересной и запоминающейся. Лев заглянул в русско-венгерский разговорник и, старательно выговаривая труднопроизносимые, избыточные удвоенными гласными слова, попросил черноусого, крупноносого таксиста отвезти его в аэропорт.

– Да сколько угодно, Лев Иваныч! – по-русски ответил тот, проворно выныривая из кабины.

Приняв из рук Гурова дорожную сумку, таксист аккуратно поставил ее в багажник. И только тут Лев узнал его – это был не кто иной, как Гоша Стакашный. Кто не знал в Москве конца девяностых налетчика-байкера Гошу! Сколько модниц, лишенных его усилиями своих ридикюлей, поминало его недобрым словом...

Дамские сумочки Стакашный срывал виртуозно, можно сказать, играючи. Как позже он признался на допросе, эти «скоки» были для него не столько средством наживы, сколько своего рода экстремальным «спортом». Но, рано или поздно, всему наступает конец. Однажды Гоша, на свою беду, сорвал сумочку с плеча некой дамы, которая оказалась любовницей Газавата, криминального пахана южных кровей. Восприняв это как личное оскорбление, тот объявил обидчику своей дамы сердца кровную месть. А Стакашный, ничего этого не зная, тем же днем сорвал очередной ридикюль у женщины, выходявшей из супермаркета.

Это стало его последним «скоком»... Мгновение спустя он был задержан Львом Гуровым, случайно проходившим мимо. Увидев задрапированного во все черное мотоциклиста, который, промчавшись мимо женщины, сорвал с ее плеча сумочку, Гуров среагировал на это безобразие в долю секунды. Подпрыгнув, ударом обеих ног заставил мотоциклиста-грабителя покатиться кувырком по асфальту.

Уже в отделении, изучив «послужной список» Стакашного, Лев уведомил ошарашенного мотограбителя, что тот в данный момент разыскивается уголовниками, настроенными в лучшем случае просто пристрелить его. А в худшем... Тогда же между ними и было заключено своего рода джентльменское соглашение: Гуров об эпизоде с ограблением любовницы Газавата умалчивает, а Гоша, отсидев положенное, со своим ремеслом завязывает раз и навсегда.

И вот такая встреча в Будапеште. Как оказалось, одна из бабушек Стакашного была мадьяркой. Сообразив, что это обстоятельство можно использовать с максимальной выгодой, Гоша добился получения вида на жительство в стране бывшего соцлагеря. Уже лет семь он работает таксистом и своей жизнью вполне доволен.

– Эх, Лев Иванович! Если бы вы знали, какая тут скука! – Руля по улицам, Стакашный сокрушенно качал головой. – Ни тебе стрелок, ни тебе разборок по понятиям... То ли дело у нас, в Белокаменной, а особенно в Питере! Дня не проходит, чтобы кого-то не грабанили или не грохнули. А тут? Вы думаете, почему западные сыщики слабее наших? Да потому, что сидят без практики. Ночью идешь по Будапешту – хоть бы одна зараза закурить попросила! Нет, последние несколько лет, после того как сюда понаташилось албанов, криминал чуточку оживился. Но... До нашего – все равно далеко.

Слушая Гошу, Гуров припомнил свежий случай, происшедший с ним пару дней назад. Выйдя поздним вечером прогуляться по городу, и впрямь, до неприличия чистому и безопасному, он пошел по каким-то улицам и увидел перед собой малолюдный в эту пору парк. Отчего-то ему вдруг просто невыносимо захотелось прогуляться меж деревьев, подышать запахом листвы, пройти по траве, а не по осточертевшему асфальту... Ступив под сень деревьев, он пошел в глубь парка, не очень густо освещенного фонарями.

Замечая то здесь, то там «заседающие» на садовых скамейках влюбленные парочки (а кое-где и «залегаящие»), он старался обходить их подальше, дабы не мешать процессу

укрепления тутошней демографии. Неожиданно из боковой аллеи к нему подбежала какая-то молодая взволнованная особа и, схватив его за руку, куда-то за собой потянула, что-то торопливо говоря на непонятном языке.

Она была недурна собой и вроде бы на явную аферистку не походила. Гуров не понимал ни слова из сказанного ею, но по тональности голоса можно было понять, что женщина просит помощи. «Обобрали ее тут, что ли?» – мысленно предположил он, шагая следом. А незнакомка, без умолку тараторя, то всхлипывала и утирала слезы, то клятвенно прижимала руки к груди.

Впрочем, с какого-то момента Лев вдруг безошибочно понял: красотка явно фальшивит, несмотря на все свои бесспорные актерские дарования. Скорее всего, она вела его в какую-то западню. С точки зрения житейской логики ему следовало бы послать ее куда подальше и уйти восвояси. Но он был опер, и его моральный долг – выявить опасность и нейтрализовать ее, чтобы обезопасить других. Мало ли кого еще поманит за собой эта коварная «страдалица»?

В какое-то мгновение боковым зрением Гуров внезапно уловил справа от себя непонятное движение. Если бы он вовремя не раскусил замыслов «потерпевшей», ему наверняка едва ли удалось бы своевременно отреагировать. Но Лев был наготове и, мгновенно развернувшись вправо, успел блокировать удар бейсбольной биты, нацеленный ему в голову. Довольно крупный тип во всем черном попытался замахнуться вновь, но мощный удар ногой в живот и стремительные точные удары словно литых из железа кулаков в челюсть, переносицу и ухо напрочь отбили у него всякую охоту атаковать еще раз. Выронив биту, «черный» безжизненным манекеном рухнул на траву, едва различимую в отсветах фонарей.

Интуитивно ощутив угрозу сзади, Гуров прыжком развернулся в обратную сторону и в последнее мгновение успел перехватить руку еще одного бандита с ножом, который гарантированно мог войти ему в грудную клетку. Рванув руку налетчика на себя, он выпрямил ее и, продолжая это движение, развернул бандита к себе спиной. Тут же охватив плечо бандита своей подмышкой, Лев упер локоть себе в грудь и рванул его кисть вправо. В локте бандита раздался громкий хруст, он дико взвыл и тут же безвольно обвис, повалившись на землю без чувств, с неестественно выгнутой рукой.

Третий, норовивший ударить Льва нунчаками, но так и не сумевший этого сделать из-за того, что в завязавшейся потасовке запросто мог вклепать удар своему поделнику с ножом, внезапно опомнился и понял, что самое лучшее для него теперь спастись бегством. Однако далеко убежать не успел. После пары мастерских кроссов и хуков он, как и его приятели, без чувств распластался на траве. «Подсадная утка» исчезла сразу же, как только закипела эта скоротечная свирепая схватка.

Не будучи уверенным в том, что венгерская полиция с пониманием воспримет факт нанесения бандитам серьезных травм, Гуров решил это происшествие не афишировать. С невозмутимым видом он немедленно покинул парк и уже через каких-то десять-пятнадцать минут входил в холл своего отеля. А наутро из сводки криминальных новостей стало известно, что в одном из городских парков минувшим вечером были обнаружены в бессознательном состоянии трое членов албанской банды, занимавшейся грабежом и избиениями иностранных туристов. Того, кто с ними расправился, они толком описать так и не сумели. Единственное, что отпечаталось у них в памяти, – «эта било отчэн балшой и сыльный мушчына, каторый ругайся на русска мат...» Зато их самих тут же опознали двое чешских туристов, оказавшихся в той же травматологической клинике после похожей встречи в парке с этими албанцами.

...Распростившись с Гошей у аэропорта Ферихедь, Гуров отправился на посадку. В назначенный момент венгерский «Боинг» взмыл в небо и менее чем через три часа опустился

на бетонку Шереметьева. Выйдя из самолета, Лев обнаружил, что, покинув Будапешт еще ясным днем, в Москву прибыл, по здешнему времени, уже в предвечернее время.

Когда он, миновав таможню, вышел из здания аэропорта, то неожиданно для себя увидел на парковочной стоянке свою законную жену, Марию Строеву, ведущую актрису одного из крупных московских театров. Та, как всегда неотразимая и чуточку загадочная, стояла у машины и, улыбаясь, смотрела на него.

– О-го-го! Вот так сюрприз! – обрадовался Гуров, обнимая Марию. – Неужто решилась пожертвовать ради меня генеральной репетицией?

– Ну-у... Пусть и не совсем так, но сделать тебе сюрприз очень хотелось. В общем, вчера у нас в театре загорелась электропроводка. Сегодня там командуют ремонтники, а «генералку» перенесли на завтра.

– Замечательно! Значит, сегодняшняя вечер – наш. И до завтра нас никто беспокоить не посмеет, – садясь за руль, объявил Гуров.

– Даже Петр? – лукаво улыбнувшись, уточнила Мария.

– Даже Петр, будь он хоть святым апостолом. – Выруливая со стоянки, Лев махнул рукой. – Я дома не был целую неделю; к тому же мне полагаются законные выходные. Так что...

– Ой, Лева! Сколько раз я уже слышала что-то подобное. – Мария иронично усмехнулась. – Пока Орлов не позвонит, ты и слышать не желаешь ни о каких делах. А позвонил – все, уже «готов к труду и обороне». Ведь так же?

– Да когда это было?... – начал было Лев, но в этот момент его телефон разразился противным, дребезжащим пиликаньем.

– Ну вот, уже и звонят... – Строева многозначительно покачала головой. – Сто против одного, что это Орлов.

Женская интуиция не подвела – это действительно был генерал-лейтенант Петр Орлов. Быстро окинув взглядом улицу – не стоит ли где гаишник? – Гуров поднес телефон к уху.

– Лева! Здравствуй! Ну, как доехал? – с жизнерадостным подъемом в голосе заговорил Орлов.

– Здравствуй... – чуть меланхолично откликнулся Лев. – Доехал хорошо. Только скажи сразу: какую гадость приготовил мне на сей раз?

– Ну, уж так прямо и гадость! – шутивно возмутился Петр. – Хотя, если честно, ты мне и в самом деле срочно нужен. Прямо край как нужен!

– Поимей совесть! – рассердился Гуров. – Я только что с самолета, неделю не был дома. И ты мне, я так понял, опять собираешься втюхать очередного «глухаря».

– Ну-ка, дай телефон! – Мария забрала сотовый и решительным тоном «железной леди» Маргарет Тэтчер, объявляющей войну Аргентине, жестко уведомила: – Петр! До завтра Лева никуда пойдёт. Мы едем домой.

Но, выслушав Орлова, она возмущенно нажала кнопку отбоя и бросила телефон на заднее сиденье.

– Езжай уж, езжай к этому, как ты его величаешь, «хэнэралю-лейтенантиссимуму». Говорит, было указание самого министра... Высади меня вон там, у магазина. Сделаю кое-какие покупки и поймаю такси.

Величественная, как королева, она вышла из машины и легкой грациозной походкой направилась к вестибюлю большого супермаркета. Проводив Марию взглядом, Гуров включил передачу и с чувством досады, гложущей душу, помчался в сторону управления.

Поднимаясь по ступенькам, Лев поймал себя на ощущении того, что он словно бы никуда и не ездил. Его путешествие в Будапешт на сыщицкий форум, с экскурсиями по венгерской столице и ее окрестностям, то ли приснилось, то ли было очень и очень давно...

В дверях вестибюля он нос к носу столкнулся с куда-то спешащим Стасом Крячко. Тот, в своей обычной манере, издав радостное «О-о-о-о-о!..», крепко обнял Гурова, словно они не виделись, по крайней мере, год, а то и больше.

– Здорово, Лева! Ну, как там Венгрия? Как тебе мадьярки?

– Здорово, здорово! – смеясь, покрутил головой Гуров. – А ты, я вижу, верен себе. Первое, что заинтересовало, – какие там женщины. Да нормальные там женщины, что положено – при них. Ну а каковы они в отношениях, интересующих тебя больше всего, – не знаю. Постельных «тест-драйвов» не проводил.

Вздохнув, Крячко мечтательно улыбнулся.

– Да, жаль, что мне не удалось поехать. Я бы навел там шороху! Э-эх... Говорят, там женщины – ух какие знойные. Конечно, Лева, как сыщик, ты был на высоте – раза два видел тебя по телику. У тебя небось и автографы брали?

– Случалось... – внешне серьезно, но с искорками иронии в глазах подтвердил Гуров.

– Вот!.. – Стас вскинул указательный палец. – Но как мужик наших российских мужиков не представил вообще. Срамота! Что о нас подумают в Европе?

– Не переживай, нашего брата там хватает. Так что представили нас в Венгрии более чем...

Вкратце Лев рассказал о встрече с Гошей Стакашным. Выслушав его, Крячко с оттенком зависти проговорил:

– О, как! Люди даже заскучали от спокойной жизни! А у нас... Такое нам в ближайшие годы не светит. Ты уже в курсе, куда Петр тебя собирается засандалить?

– Вот за этим и прибыл. Только-только встретились с Марией, даже до дому доехать не успел – уже звонит... Что там у него стряслось?

Недовольно морщась, Стас рассказал о суматохе, которую сегодня спозаранок поднял губернатор одной из нечерноземных областей. Минувшей ночью в своем загородном доме был найден с ножом в груди глава администрации самого крупного, считающегося передовым района. Местные пинкертонеры, осмотрев место происшествия, только и смогли констатировать, что работал профессионал, не оставивший вообще никаких следов.

Опасаясь, что данное дело может «почить» без малейшей надежды на его раскрытие, глава области вышел прямо на руководство МВД, настояв на том, чтобы это убийство, с ходу ставшее громким событием не только внутри губернии, но и за ее пределами, расследовали лучшие столичные сыщики.

– ...Министр пошел ему навстречу и обязал Петра направить в тот регион лучших сыщиков. А у нас кто имеет репутацию стопудового «колуна», которому любой «глухарь» по зубам? – Крячко картинно развел руками. – Угадай с одной попытки.

– Все понятно... – сердито произнес Гуров. – Похоже, отбрыкаться опять не получится. Ладно, пойду на нашу штатную голгофу. А ты куда спешишь?

– Да все с бандюками валандаюсь, за которыми в тот раз гнал. – Крячко досадливо махнул рукой. – Взяли их позавчера. Оказалось, таких эпизодов у них – как медалей у породистого бульдога. Ладно, побежал!..

...Петр Орлов, поминутно утирая лицо платком – кондиционер задурил, а на улице, несмотря на приближающийся вечер, жара и не думала сдавать свои позиции, – изобразил приветливую улыбку и, встав из-за стола, вышел навстречу Гурову.

– Ну, с прибытием тебя! – радушно поздоровался он, пожимая Льву руку. – Как самочувствие?

– Лучше некуда... – Ответив на рукопожатие, тот с ироничной усмешкой посмотрел на своего приятеля-начальника. – Петр, давай без дальних заходов. Ближе к делу! Ты мне можешь объяснить, с чем связана такая, прямо скажем, беспардонная спешка? У тебя всегда

так: то – ничего, ничего, то сразу – бац! – и на ровном месте, да мордой об асфальт. Сейчас-то по какому поводу пожарная тревога?

– В общем, в одной из не очень далеких областей... – с многозначительными паузами начал Орлов, но Гуров бесцеремонно прервал его на полуслове:

– Что именно произошло, я уже знаю. С какого перепугу, объясни, на мне опять сошлись все концы? У нас же сейчас минимум человек пять перспективных оперов, которые в два счета раздраконят любой «висяк». Так нет, он опять пихает меня.

– С какого перепугу... Дано указание – раскрыть дело в кратчайшие сроки, со стопроцентной гарантией установления причин убийства главы района и задержания как исполнителей, так и заказчиков. А кто у нас может дать стопроцентную гарантию? Только Лев Гуров, с некоторых пор ставший мировой знаменитостью.

– Ой! Ой! Ой! – Гуров ернически изобразил что-то неопределенное руками. – Что, в телике пару раз мелькнул – и уже попал в знаменитости?

– Если бы! – Петр многозначительно рассмеялся. – Сейчас покажу одну западноевропейскую газету, где целая полоса посвящена одному тебе, звездный ты наш. Уж тебя там так критикуют за нетолерантность и нецивилизованность, что просто завидки берут. Про меня хоть бы раз что-нибудь похожее написали!

Лев рассмеялся, понимая, кто решил заочно свести с ним счеты.

Пробежав глазами по многоцветной полосе какого-то толстенного англоязычного еженедельника, он сразу же нашел свое фото, где, скорее всего, заказной фотограф «подловил» его в выгодный для себя момент. На цветном снимке Лев Гуров, с нахмуренной бровью и выражением нестигаемой решимости во взгляде, воздел крепко сжатый кулак, что придавало ему вид грозный и бескомпромиссный. Подпись под снимком расставляла последние точки над «i»: «Русский сыщик Лев Гуров не склонен к сантиментам. Для него нет тех, кто достоин снисхождения».

– Один из замов министра мне уже звонил, спрашивал: неужели нельзя было послать кого-то другого, кто умеет общаться с западной прессой? – небрежно убирая газету, хитровато улыбнулся Орлов. – Ну, а я ему ответил, что среди тех, кто сыщик без натяжек, дипломатов не сыскать. А вот среди излишне дипломатичных – ни одного настоящего сыщика назвать не могу. Он же собирался кого-то своего пропихнуть, а тут мы дорогу перебежали. Так вот, Лева, как бы мы с тобой здесь ни спорили, а ехать тебе придется. Кстати, даю в подкрепление Крячко.

– Ладно... Завтра, спозаранок... – вставая с кресла, потянулся Гуров, но Петр, отчаянно замотав перед собой руками, не дал ему договорить.

– Нет, нет, нет! Не завтра, Лева, а сегодня, и немедленно, чтобы начать работу по горячим следам! Час на сборы и – марш в аэропорт! Командировочные, суточные, билеты и разрешение на провоз оружия в багаже получите прямо в Быкове. Иди, собирайся, а я сейчас буду вызванивать Стаса. Его тоже, елки-моталки, пока уломаешь – сто потов сойдет. Ну, никакого нет у него желания войти в положение своего непосредственного начальника... – доставая телефон, посетовал Орлов.

– Бедностью попрекать грешно! – обронил Лев и вышел из кабинета, спеша к своему «Пежо» – отведенный Орловым лимит времени сокращался быстрее всякой шагреневой кожи.

Известию о том, что муж опять отбывает в командировку, Мария ничуть не удивилась. Она лишь чуть сдвинула брови и, накрывая стол, украдкой вздохнула. За обедом в кухне царил невеселая тишина. Не выдержав этой пытки, Гуров отодвинул тарелку – уж какой тут аппетит при таком, чуть ли не поминальном настроении? – и тихо спросил:

– Ты на меня очень сердисься?

– Нет... – Мария смотрела куда-то в пространство. – Но Петр меня сильно огорчил. Я считаю, он уже начал злоупотреблять тем, что вы друзья, и норовит затыкать тобой все без исключения дыры, чуть замаячит опасность для его персонального генеральского благополучия. Ну, почему тебе нужно уезжать именно сегодня? Почему нельзя завтра? Потому что в министерстве кто-то может косо посмотреть в его сторону? Я ведь тоже живой человек и тоже нуждаюсь во внимании, как и всякая другая женщина.

– Обещаю, что разгрызу это дело в кратчайшие сроки, и мы с тобой на несколько дней куда-нибудь обязательно уедем. Хочешь, махнем на Селигер?

– Лева! О чем ты?! У меня через три дня премьера, а потом – пошло-поехало... Кстати, в конце этого месяца мы на две недели уезжаем с гастролями. Ладно, давай собираться. А то, чего доброго, опоздаешь на самолет в этот ваш Чертокуличинск...

...До Быкова Гуров доехал на служебной «Волге» ближе к вечеру. Вскинув сумку на плечо, он вошел в довольно плотно заполненный пассажирами зал ожидания. До начала посадки на рейс оставались считанные минуты, но ни Стаса, ни кого-либо из главка в обозримом пространстве почему-то не наблюдалось. «Интересно дым пошел! – мысленно констатировал Лев. – По идее, меня должны были бы встретить прямо на входе. А тут – никого. Петру, что ль, позвонить?»

Он достал из кармана свой сотовый, но тут увидел знакомое лицо – через толпу пассажиров, направляющихся к посадочному терминалу, к нему спешил молодой, но уже весьма расплывшийся лейтенант Егорик из хозяйственного отдела. Отдуваясь, тот подбежал к Гурову и, протягивая билеты и бумаги с энным количеством печатей, четко доложил:

– Товарищ полковник! Ваши билеты, командировочные и разрешение на провоз оружия. Деньги вот, в конверте. Разрешите отбыть в управление?

– Да, Егорик, можешь быть свободен, – пробежав глазами по билетам, кивнул Лев. – Кстати, полковника Крячко здесь не заметил?

– Нет, Лев Иванович, не видел...

Подойдя к стойке регистрации, Гуров решил ждать Стаса до последнего момента. Если тот не появится, он полетит один. Ну а Крячко пусть тогда догоняет за свой счет.

Но Стас, как это уже бывало не единожды, и в самом деле появился в самый последний момент. Беззаботно улыбаясь, он как ни в чем не бывало подрулил к Льву и задал совершенно необязательный вопрос:

– Летим?

– Еще одна минута, и кое-кто из нас мог бы не улететь. – Гуров, скидывая сумку на плечо, окинул приятеля строгим взглядом. – Где застрял-то? Уж ладно, понимаю, был бы многодетным отцом, который прощался с каждым из десятка своих чад по отдельности...

– Считаешь, что мне не от кого услышать: «До скорой встречи»?! – двинувшись следом за ним, саркастично хмыкнул Станислав. – Ошибаешься, уважаемый!

– А-а!.. Да, да, да... Припоминаю, припоминаю! – Уловив в словах приятеля язвительные интонации, Лев рассмеялся. – Отправляясь в этот, как назвала его Мария, Чертокуличинск, ты не мог не заглянуть к своей Звездуньке из супермаркета «Лукоморье»...

– Да не-е-т... – Крячко вздохнул с некоторым смущением и даже закашлялся. – Со Звездунькой мы расстались еще до твоей поездки в Будапешт. Теперь у меня Снежиночка из варьете «Лес чудес».

– Из варьете?! – Оглянувшись, Гуров окинул Стаса удивленным взглядом. – Ну, у тебя и кульбиты! Хотя... Что тут скажешь? Варьете – это круто!

– Ой, только не надо иронии! – засопел носом Стас. – Она, между прочим, очень скромная и порядочная женщина. А в варьете работает администратором. Зовут ее Снежана, ну, а я стал звать Снежиночкой. Между прочим, в отношении ее у меня самые серьезные намерения.

Ничего не ответив, Лев лишь усмехнулся и вошел в салон автобуса, глядя на старенькую «громыхалку» – двадцать четвертый «АН», на котором им и предстояло лететь. Станислав, который тоже увидел самолет, это обстоятельство чрезвычайно и удивило, и огорчило одновременно. Почему-то он был уверен, что этот тип чрезмерно шумных машин давно уже списан в утиль.

Глава 2

Больше часа проворочавшись в не очень удобных креслах старого, еще советского образца, под неумолчный рык двигателей приятели в бледно-сиреневых сумерках вышли на летное поле провинциального аэропорта с ощущением того, что все это время они проходили испытания на вибростенде в Центре подготовки космонавтов.

Встречающим оказался милицейский майор средних лет, который стоял у входа в здание аэропорта с картонной, написанной от руки табличкой «Гуров, Крячко». Уведомив прибывших, что они прямо сейчас могут отправиться в гостиницу, где им забронирован номер, майор, назвавшийся Цуканиным, пригласил гостей в салон «БМВ» с милицейскими номерами. Мельком переглянувшись – не бедно, однако, живет здешнее руководство УВД, – Лев и Stanislaw сели в машину, и она помчалась к городским кварталам, виднеющимся за кронами деревьев, в километре от аэропорта.

За время недолгого пути майор рассказал, что городок Судаково, где и произошло ЧП, от областного центра всего в полусотне верст, поэтому столичные опера могут жить здесь, а на расследование выезжать на служебном транспорте, закрепленном за ними. Хотя, по мнению майора, раскрыть это дело даже признанным корифеям сыска, скорее всего, будет не по зубам.

– Тут только на отработку самых перспективных версий может уйти не один месяц, – уверенно заявил он, – не говоря уже о второстепенных.

– А какие, на ваш взгляд, могут быть основными? – со скучающим видом поинтересовался Гуров.

– Ну... Какие... – Цуканин пожал плечами. – То, что лежит на поверхности, – профессиональная деятельность в качестве главы района, конфликт материальных интересов... Он же, надо вам сказать, владел в Судакове, по сути, всеми основными объектами – и производства, и торговли. А это означает только одно – жаждущих увидеть его в «деревянном макинтоше» более чем достаточно.

– А нож, которым он был убит, его собственный или чужой? – тоже без энтузиазма спросил Крячко.

– Охранники сказали, что это его нож... – с интересом посмотрев на него, ответил майор. – Вы считаете, это о чем-то говорит?

– Да нет, это я в порядке общего выяснения ситуации... – безмятежно улыбнулся Стас. Он смотрел в окно, схватывая цепким взглядом опытного сыщика особенности местного колорита. Разумеется, в первую очередь он уже успел заметить, что в этом Чертокуличинске водятся очень даже симпатичные дамы, среди которых встречаются и вовсе уникальные образцы...

– Значит, поступим следующим образом... – посмотрев на часы, объявил Лев. – Заселяемся в гостиницу, оставляем там вещи и с кем-то из опергруппы, проводившей осмотр места происшествия, отправляемся в Судаково.

– А-а-а... Вы хотите приступить к работе прямо сегодня? – с уважительным удивлением воззрился на него Цуканин. – То есть... э-э-э... нет желания, там, отдохнуть, перекусить с дороги?

– Нет, мы планируем как можно скорее эту работу и начать, и закончить, – буднично сообщил Гуров.

Издав озадаченное «Хм!», майор после некоторого молчания негромко скомандовал шоферу с сержантскими лычками:

– Давай к «Золотой лилии»!

Машина мчалась по тесноватым городским улицам, переполненным автотранспортом. Гуров в этом городе однажды уже был проездом и поэтому с интересом смотрел на здешнюю архитектуру, на рекламные щиты, оформленные с претензией на «столичность», на людей, куда-то спешащих по своим делам.

Они остановились у большого, несколько помпезного здания с объемными буквами, установленными вдоль края бетонного козырька над входом, которые складывались в название «Золотая лилия». «Вот жизнь прибабахнутая! – мысленно посетовал Лев. – Если бы утром кто-то сказал, что вечером буду не дома, а в этом хреновом Чертокуличинске, ни за что ты не поверил. Знать бы заранее, сколько нам тут придется проторчать...»

К его удивлению, номер, выделенный им со Стасом на двоих, хоть и не дотягивал до уровня будапештского сервиса, тем не менее оказался достаточно уютным и комфортным. Учитывая, что за окнами уже вечерело и на посиделки в гостиничном кафе времени не оставалось, приятели, взяв на ходу в буфете по паре беляшей и по бутылке кваса, немедленно отправились в Судаково. Сопровождать их вызвался все тот же майор. Уплетая в дороге импровизированный «сухой паек», Лев и Станислав слушали чуть монотонный голос своего сопровождающего.

Цуканин, числящийся в областном УВД руководителем информслужбы, по поручению начальника управления сегодня рано утром вместе с опергруппой выезжал на место происшествия. Учитывая ранг потерпевшего и его приятельские взаимоотношения с губернатором, в Судаково отправилась многочисленная команда. Помимо чуть ли не дюжины оперов, на виллу усопшего прибыли эксперты-криминалисты и кинолог с собакой. Негласно опера взяли с собой даже некоего экстрасенса, который уже не раз предлагал милиции свои услуги в деле изобличения всевозможных злодеев.

После нескольких часов интенсивной работы стало ясно, что с наскока раскрыть это дело не удастся. Если удастся вообще. Найденные в доме отпечатки пальцев принадлежали только самому убитому и его охранникам. Впрочем, в этом отношении экспертам можно было особо и не напрягаться – охранники сразу же сообщили опергруппе, что напавший на них неизвестный в маске, кроме всего прочего, был еще и в тонких кожаных перчатках.

Следов его обуви зафиксировать тоже не удалось. Вообще-то отпечатков пальцев в доме имелось предостаточно, причем женских. Но большинство из них принадлежало домработнице. Остальные «пальчики», обнаруженные в основном в спальне, принадлежали неизвестно кому. Во всяком случае, с отпечатками пальцев жены усопшего совпало менее трети из найденных. Ну а неидентифицированные две трети в милицейской дактилоскопической базе данных не значились.

Единственное, что удалось установить, – минувшей ночью в доме побывала какая-то женщина. Охранник, находившийся в вестибюле, утверждал, что слышал чей-то женский голос, доносившийся со стороны спальни. Но это его не удивило и не обеспокоило – мало ли кого мог привезти к себе хозяин?

К досаде оперов, собака след не взяла – скорее всего, неизвестный предполагал подобный вариант развития событий, поэтому принял соответствующие меры. Не помог и экстрасенс. «Ясновидящий» так часто путался в своих видениях, что не смог внести и грана ясности в картину случившегося.

На основании опросов свидетелей был задержан житель Судакова, некий Урюпец, год назад угрожавший Захарухину. Тот якобы совратил его падчерицу, студентку местного техникума связи, стажировавшуюся в отделе общественных отношений районной администрации.

Конфликт произошел на митинге в честь открытия памятника уроженцу Судакова, герою войны. Когда Захарухин, выступая перед собравшимися судаковцами, заговорил о нравственном значении подвига их земляка, неожиданно вышедший из толпы Урюпец пере-

бил его на полуслове, заявив при ошарашенно безмолвствующей толпе буквально следующее:

– Какое ты имеешь право своим поганым языком говорить о нравственности, если тебе надо сидеть за совращение несовершеннолетних?! Ты – насильник, жулик и вор!..

Больше ничего сказать он не успел – его сразу же скрутила милиция и быстро увела из городского парка, где проходила церемония. Урюпцу за этот прилюдный демарш вклеили пятнадцать суток, а Захарухин в частном порядке подал иск о защите чести и достоинства. Но потом, по непонятным причинам сделав широкий жест, объявил, что прощает своего обидчика. Однако Урюпец не успокоился и как-то раз в своем кругу, будучи под градусом, заявил, что все равно «этому козлу блудливому» он, рано или поздно, выпустит кишки.

Утром, когда весть об убийстве главы района облетела весь городок, одна из соседок Урюпца, которой Захарухин доводился дальним родственником, немедленно поведала операм о его угрозе. «Народного мстителя» задержали дома, подняв спящего с постели, – минувшим днем он удачно «калымнул», поэтому позволил себе основательно «расслабиться». Его жена и падчерица, узнав, в чем обвиняют главу семьи, подняли крик и плач, убеждая оперов в том, что Урюпец, как вчера вечером пришел домой «под креном», так до утра с постели и не вставал. Но их свидетельства, как лиц заинтересованных, во внимание приняты не были.

– А вы сами-то уверены в том, что именно этот Урюпец в одиночку ухитрился вырубить и связать двоих охранников и убить Захарухина? – внимательно выслушав Цуканина, поинтересовался Лев. – Он что, служил в десанте, морской пехоте, имеет боевую подготовку?

– Да где там! – досадливо вздохнул майор. – Конечно, всякому понятно, что этот Урюпец – не больше чем «козел отпущения». Служил он в стройбате, физически – не самых выдающихся кондиций... Ясное дело, что убил кто-то другой. Но... вы же сами понимаете, что, если вышестоящему начальству не бросить хоть какую-то «кость», оно нас самих изложет до мослов.

– А сами охранники как объясняют то, что с ними произошло? – спросил Крячко.

– Утверждают, что нападавший появился внезапно – как из-под земли вынырнул. По их словам, таких рукопашников они еще не видели. Сделал их, как сопливых пацанов. Они почти до утра лежали в отключке. Ну а сам Урюпец, когда в камере проспался, от всех обвинений открестился на корню. Хотя – это было видно – выказал полное довольство насчет случившегося. Когда ему объяснили, в чем его обвиняют, он даже перекрестился и вслух объявил: «Бог шельму метит! Получил-таки этот урод по заслугам!»

Далее майор рассказал, что опера рассматривали и другие версии. Например, было предположение, что в Судакове начался очередной передел собственности. Усопший Захарухин, урвав себе все самые лакомые и прибыльные куски уездной экономики, волей-неволей стал раздражающим фактором для тех, кто и сам был бы не прочь попользоваться ее благами.

– А эти самые прибыльные объекты он урывал законным путем? Или беспредел чинил полнейший? – Гуров вопросительно посмотрел на Цуканина.

– Вот именно! – саркастически хохотнул тот. – Ясное дело, что прибрал чужое добро за счет своего служебного положения. Он начал «прихватизировать» Судаково, когда еще был замом министра сельского хозяйства области. Для этого, куда только мог, пропихнул своих людей и с их помощью провернул это дело. Одних собственников вынудил продать ему объекты за бесценок, у других просто отнял. Кое-что на хляву подгрел под себя из муниципальной собственности.

– Это как же? – заинтересовался Стас.

– А схема здесь простая... – ухмыльнулся Цуканин. – Став главой, затеял реорганизацию городского хозяйства. Дескать, работает казне в убыток. А для этого, мол, надо бы неко-

торые объекты акционировать. Акционировал. И тут же по дешевке забрал себе контрольные пакеты акций. Все, теперь это его собственность.

Машина мчалась уже в густых сумерках, оставляя позади себя россыпи огоньков придорожных сел, гулко пролетела по мосту через какую-то речушку, и вскоре впереди из-за поворота показались огни городских пятиэтажек.

Обогнув Судаково по объездной дороге, машина запрыгала по не очень презентабельному, хотя и асфальтированному проселку, а потом, вырвавшись из зеленой теснины верб и осин, помчалась по просторному лугу в сторону, как догадался Гуров, коттеджного поселка здешних толстосумов. На фоне леса, черной зубчатой стеной вонзающегося в уже почти угасшие сполохи заката, светились окна особняков разной архитектуры, площади и этажности.

Когда машина остановилась у высокой железобетонной изгороди, от мощных двустворчатых ворот, судя по всему, сваренных не иначе как из бронелиста, отделилась чья-то фигура и направилась к прибывшим. В луче света, падающего со двора, мелькнула серая милицейская форма. Подойдя к майору Цуканину, мордастенький прапорщик доложил, что согласно распоряжению начальника райотдела несет дежурство у коттеджа бывшего главы района Захарухина.

– ...Товарищ подполковник посчитал, что убийцы Дмитрия Семеновича могут вернуться на место преступления и здесь нужен человек, чтобы их задержать... – Заметив на лице еще одного из прибывших мимолетную ироничную улыбку, прапорщик осекся и растерянно спросил: – Я что-то не так сказал?

– Нет-нет, молодой человек, вы все сказали абсолютно правильно, – тронув его за плечо, рассмеялся Крячко. – Просто... Вы уверены, что убийца вернется и попытается пройти на территорию через ворота? Ждать его здесь – все равно что искать потерянные часы под фонарем только потому, что там светлее.

– Но во двор пробраться каким-то другим путем практически невозможно, – пожал плечами прапорщик. – Стена-то, видите, какая? А поверху натянута еще и «колючка».

– Кстати, снаружи, по периметру ограждения, осмотр хорошо провели? – Гуров внимательно посмотрел на Цуканина.

– Ну а как же! И собаку пускали. Нет, следов там никаких. Я не исключаю, что убийца был хорошим знакомым охранников, которые сами пустили его через ворота во двор. Он их тут же вырубил, после чего, пройдя в дом, разделался с хозяином. Ну а потом они с перепугу соврали, будто он был в маске.

– Хм-м... – В междометии Стаса звучало явное сомнение. – Вы себе можете представить знакомого охранников, который пришел к ним в гости, и не домой, а на охраняемый объект? Да, еще... Во сколько был убит Захарухин?

– Около двадцати трех часов... – поняв, что имеет в виду Крячко, неохотно сообщил майор.

– Во как! В двадцать три часа, когда все нормальные люди ложатся спать! Получается, что поздним вечером притащился сюда чувак, типа: привет, кореша, я к вам в гости. И кореша, тут же забыв о своих служебных обязанностях, кинулись открывать ему ворота. Вы в такое можете поверить?

– Ну-у-у... А как могло быть, по-вашему? – с обидой в голосе спросил Цуканин.

– А вот это мы сейчас и попытаемся определить... – ответил за Стаса Гуров, направляясь к воротам. – Скажите, а кто первым увидел, что здесь произошло, и сообщил в милицию?

– Домработница. Она живет здесь же, неподалеку. На работу обычно приходит очень рано, чтобы и убраться, и, если потребуется, приготовить завтрак.

Гуров огляделся по сторонам. Коттедж в свете фонарей являл собой недурно скомпонованное строение, чем-то напоминающее старинную барскую усадьбу. Между воротами

и крыльцом дома со ступеньками широкой лестницы белого камня, ведущей к вестибюлю, простирался обширный двор, выстеленный мозаичной плиткой. В центре – какой же барский двор без этого? – устроен фонтан со всевозможными гипсовыми нудистами – амурами, купидонами, сиренами и наядами. Правда, в данный момент он бездействовал, но все равно смотрелся вполне импозантно. Левая сторона двора оформлена ландшафтным дизайнером под ставший чрезвычайно модным японский «сад камней». Правая – обычный сад с обычными фруктовыми деревьями; правда, с первого взгляда было видно, что сад ухоженный и над ним поработала рука опытного садовника.

– А за садом кто ухаживает? – оглянувшись, поинтересовался Лев.

– Из областного НИИ садоводства раз в неделю приезжает один аспирант. Спец – исключительный. А что? – Поправив фуражку, майор вопросительно посмотрел на Гурова.

– Ничего особенного... Просто понравилось, как оформлены деревья. Кстати, а сторожевые собаки здесь есть?

– Говорят, раньше были. Захарухин держал питбуля и двух ротвейлеров. Но месяца два назад произошла совершенно непонятная история. Представьте, без видимых причин питбуль внезапно накинулся на хозяина и вцепился клыками в голень. Хорошо, рядом стоял охранник, он тут же пса и пристрелил. А то неизвестно, чем бы все закончилось. Ну, Захарухин после этого собак враз возненавидел и приказал избавиться и от обоих ротвейлеров. Он даже больше двух недель лежал в больнице, пришлось делать операцию...

– Вот и не верь в знаки свыше... – оглядывая двор, флегматично заметил Крячко.

Как далее рассказал Цуканин, один из выведенных из строя охранников лежал за самым крупным из валунов «сада камней». К моменту появления домработницы он уже успел прийти в себя и ворочался на земле, крепко связанный синтетическим шнуром. Второй был примотан к стулу в гостиной. Рты у обоих были заклеены широкой лентой лейкопластыря. Самого хозяина дома обнаружили в спальне. Захарухин лежал на боку лицом вниз. Его правая рука была поджата под живот, левая откинута в сторону. Ноги полусогнуты, словно он куда-то бежал.

Слушая майора, Гуров внимательно осматривал двор, окна дома, верх бетонного ограждения. Затем все трое прошли через входную дверь в гостиную, где Лев со Стасом осмотрели стул, к которому был привязан охранник. Куски разрезанных домработницей веревок еще утром забрал с собой эксперт в качестве вещдоков.

Как следовало из показаний дежурившего здесь охранника, а также с учетом площади помещения, его обстановки и наличия дверей, скорее всего, неизвестный ориентировался достаточно уверенно, что могло говорить об одном – здесь он уже бывал. Его появления охранник сразу даже не заметил. Тот появился бесшумно, как тень, вынырнувшая из стены. А дальше... Все остальное произошло за долю секунды. Молниеносный удар ногой в голову секьюрити, затем в сплетение и по почкам, после чего для него наступила непроглядная тьма.

Примерно то же самое рассказывал и охранник, дежуривший у ворот. Неизвестный возник позади него словно привидение и негромко свистнул. Пока охранник, недоуменно обернувшись, лихорадочно пытался принять решение – то ли сразу стрелять, то ли вызвать на подмогу напарника, «ниндзя», не дожидаясь его реакции, нанес сокрушительный удар правой в челюсть. И все. Больше охранник ничего не помнил.

Осмотр спальни хотя и не дал каких-то ощутимых результатов, некоторые выводы сделать все же позволил. Посмотрев на очерченные мелом контуры человеческого тела, лежавшего на полу в луже крови, Гуров пришел к неожиданному выводу:

– Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что он как будто сам себя пырнул. Смотри, положение тела совсем не такое, какое могло бы быть после удара ножом в сердце. Если только уже после удара его дополнительно толкнули в бок.

– Но опять-таки! – уставившись в пол, хмыкнул Крячко. – Судя по тому, как по паркету растеклась кровь, падал он без каких-либо помех со стороны. И, обрати внимание: скорее всего, нож вошел в сердце, когда он уже лежал.

– Да, если придерживаться версии убийства, тогда придется признать, что его ударили в грудь ножом, но не на всю глубину, – потирая лоб кончиками пальцев, констатировал Гуров. – Скажем, острие ножа лишь слегка зацепило миокард.

– Возможно, потому, что он успел или отшатнуться, или уклониться? – подхватил эту мысль Станислав.

– Не исключено... Что дальше? Страх смерти, болевой шок, ноги подкашиваются, и он валится на пол, последним усилием пытаясь вырвать нож из груди. Но сил уже нет, он падает на рукоять ножа, лезвие пробивает сердце и... Финита ля комедия.

То и дело переводя взгляд с силуэта, нарисованного мелом, на московских оперов, майор Цуканин явно испытывал серьезные сомнения. Что-то похожее он читал только в книгах Конан Дойла, где Шерлок Холмс по одному лишь окурку мог изложить всю подноготную того, кто его бросил. В жизни таких спецов не встретишь. С чего они взяли, эти двое, что по положению тела убитого можно сделать столь далеко идущие выводы?

– С рукоятки ножа «пальчики» снимали? – повернулся к нему Лев. – Что-нибудь нашли?

– А? Что? – От неожиданности Цуканин сразу и не понял, о чем его спрашивают. – А... да-да!.. Пальцы были, причем самого Захарухина.

– Ну вот, не исключено, что именно так все и происходило, – вновь окидывая взглядом комнату, заключил Гуров. – Надо ведь еще иметь в виду, что в момент убийства здесь находились трое: сам Захарухин, его убийца и женщина. А что, если она и стала причиной убийства?

– Да... Возможно, это и в самом деле была, так сказать, «вендетта по-судаковски», – вскинув палец, предположил Крячко. – Ведь как говорят французы: в любом деле ищи женщину! Скажите, а тот случай с падчерицей Урюпца милиция и прокуратура не взяли на заметку? – прищурившись, посмотрел он на майора.

Цуканин несколько смешался и некоторое время не знал, что ответить. Затем, откашлявшись, скомканно пояснил:

– Вообще-то нет... А-а-а... Какая в этом была необходимость? Официального заявления от Урюпца, матери его падчерицы и самой якобы потерпевшей не поступало. А так... Мало ли что кто-то ляпнет подшофе?

– Поня-а-а-тно... – саркастично улыбнулся Гуров. – Обычная российская практика: начальник – как жена Цезаря, в любом случае вне подозрений. И последнее. Домработница, члены семьи Захарухина имущество осматривали? Из дома ничего ценного не пропало?

– Как ни странно, нет... – досадливо вздохнул майор. – Картины, украшения, антиквариат – все на месте.

Опера вновь понимающе переглянулись. Картина произошедшего все больше и больше напоминала сведение каких-то личных счетов.

Поскольку на часах было уже около десяти вечера и все трое успели основательно вымотаться, решили отправиться восвояси, отложив все прочие дела на завтра. К гостинице Лев и Станислав прибыли ближе к одиннадцати. Выпив чаю в гостиничном кафе, они отправились в свой номер. А поднявшись на третий этаж, увидели в коридоре у своего номера какого-то мужчину средних лет в респектабельном костюме, выглядевшего вальяжно и уверенно.

– Похоже, к нам гости... – покосившись в сторону Гурова, негромко обронил Станислав.

– Похоже на то... – усмехнулся Лев.

При появлении оперов незнакомец повернулся к ним и, учтиво склонив голову, произнес хрипловатым баском:

– Добрый вечер, господа! Извините за столь поздний визит. Позвольте представиться – Андрей Степанович Медянов, предприниматель. Я по поводу того расследования, которое вам поручено провести.

– Проходите... – открыв дверь номера, пригласил Гуров.

Как оказалось, Медянов прибыл «от имени и по поручению» предпринимателей города Судаково, где он сам имел колбасный цех, плодоовощную базу и городской рынок. По словам гостя, все «видные люди города» очень огорчены убийством «замечательного человека и прекрасного руководителя», в связи с чем сегодня днем ими было принято решение оказывать всяческое содействие в раскрытии этого преступления. Прежде всего все без исключения взяли на себя обязательство сообщать милиции любую информацию, которая им вдруг станет известна. Во-вторых, дабы следствие ощущало, так сказать, заинтересованность общественности, было решено выплатить премию в сумме одного миллиона рублей операм, сумеющим найти и заказчиков, и исполнителей убийства.

– ...Деньги будут вручены наличными без задержек и проволочек, – заверил Медянов.

– Андрей Степанович, а вручение денег какими-либо дополнительными условиями не сопровождается? – без тени иронии поинтересовался Лев.

– Ну, что вы! – скромно улыбнулся гость. – Какие могут быть условия? Условие только одно – найти виновных в смерти Дмитрия Семеновича. Хотя... Есть частная просьба районного предпринимательского актива: когда станут известны имена виновных, сообщить нам об этом. И только лишь... Нет-нет, мы собой закон не подменяем и о каких-либо демаршах в отношении преступников даже не помышляем. Просто хотелось бы как можно раньше узнать о том, что злодеи схвачены и справедливость восторжествовала. Для нас это очень важно!

– Мы подумаем, – все так же нейтрально произнес Гуров.

– Конечно, конечно! – Медянов сунул руку в карман. – Вот моя визитка. Если будет в чем-то нужда, не стесняйтесь, звоните в любое время дня и ночи.

Вежливо откланявшись, гость с достоинством удалился. Некоторое время опера сидели, молча глядя друг на друга.

– Ну, и что ты об этом всем думаешь? – наконец заговорил Станислав.

– Предложение, как иногда это называют, мутноватое какое-то... – задумчиво усмехнулся Гуров. – Не удивлюсь, если по ходу расследования сумма «премии» начнет расти. И предлагает нам этот куш некий «предпринимательский актив». Заня-а-а-тно... На мой взгляд, сам Медянов к убийству Захарухина отношения не имеет. Но интерес его вовсе не в торжестве справедливости. Возможно, усопший унес с собой некую секретную информацию, которую у него мог выведать убийца. Или же располагал какой-то вещью копеечной стоимости, но в реальности фантастически дорогой.

– Что ты имеешь в виду?

– Скажем, это может быть флеш-карта или компакт-диск с информацией, которая, как известно, иногда дороже всех сокровищ. Например, убойный компромат на тот же «предпринимательский актив» или информация о местонахождении чего-то очень ценного. Возможны и другие варианты. Ты же слышал, что и домработница, и жена... теперь уже вдова Захарухина, не заметили, чтобы из коттеджа что-то пропало. А этот «скромный» домик, обрати внимание, не хуже Лувра или Эрмитажа набит до краев всевозможными ценностями.

– То есть тем или теми, кто отправил Захарухина на тот свет, двигала не алчность и голая корысть, – зевнув, Крячко устало повел плечами, – а какие-то пока не очень понятные мотивы. Но какие? Может быть, с ним и в самом деле кто-то расквитался за его былые проделки? Я так понял, мужик кобелировал направо и налево, причем не считаясь ни с какими

условностями. Кстати, высокоморальный ты наш! Оцени, родной: хоть ты меня постоянно и пилишь за то, что я якобы погряз в разврате, в сравнении с этим уездным производителем я, можно сказать, образец добродетели.

– Уже заметил... – улыбнулся Лев. – Но внесу небольшое уточнение. Я тебя не пилю, а корректирую твои жизненные ориентиры.

– Чего-чего? – Стас с деланным недоумением выпучил глаза. – Ты сам-то хоть понял, что сейчас загнул? Я, ей-богу, «не догоняю»...

– Да иди ты! – Гуров засмеялся и поднялся со стула. – Балабол! Все, спать пора. Завтра давай поступим так – ты встречаешься с вдовой и охранниками, а я беру на себя домработницу, Урюпца и его семью. Не худо бы и подноготную усопшего изучить поподробнее.

– Мне кажется, стоит собрать информацию и о бандитах, которые «рулят» в Судакове, – плюхнувшись в постель, отметил Крячко.

– Не помешает... Спокойной ночи! – выключив свет, из своего угла откликнулся Лев.

...Гуров стоял на берегу озера Балатон и никак не мог понять, почему эта гордость венгров внезапно оказалась в центре Будапешта, да еще и убавившись до размеров заурядного пруда. По берегам озера сидели русалки в платьях из зеленых водорослей. Среди них он с удивлением заметил Витторию. Та, звонко хохоча, манила его к себе рукой.

– Идите к нам! У нас симпозиум по криминалистике! – кричала Виттория. – Посмотрите, есть и наглядные пособия. Видите? – И она указала рукой в сторону озера.

Тут Лев заметил у самого берега в воде человеческое тело. Это был труп мужчины, одетого в добротный костюм. Неизвестный, до половины погрузившись в длинные космы зеленой тины, лежал ничком, тихо покачиваясь на мелких волнах.

– Синьор Гуров, скажите, вы уже составили психологический портрет того, кто воздал должное этому мерзкому типу? – спросила Виттория, став вдруг серьезной. – Вы же учили нас этому. Что же сами не воспользовались своей методикой?

– Да, да, да... – отчего-то растерялся Лев, спеша собраться с мыслями. – Значит, на мой взгляд, это человек очень сильной натуры, отзывчивый, способный на решительные поступки. Он пережил какие-то сильные потрясения в своей жизни. Возможно, это было связано с военной службой. Что еще? Скорее всего, он равнодушен к той, ради которой готов даже преступить закон...

– Синьор Гуров, а ее имя вы хотите узнать? – хитро улыбнулась Виттория.

– Конечно! Очень хочу! – закивал головой Лев в предвкушении неслыханной удачи.

– Ее зовут...

Губы Виттории произнесли имя таинственной гостьи виллы Захарухина, но Гуров не расслышал его из-за какого-то противного тирликанья, донесшегося со стороны городской ратуши Дьера. С ненавистью посмотрев на несвоевременно зазвонившие куранты, он снова обернулся к Виттории, чтобы она повторила столь важное для него женское имя, но, к его крайней досаде, куда-то внезапно исчезли и озеро, и все русалки. А куранты продолжали настырно тирликать, пока Лев вдруг не понял, что это будильник его сотового телефона.

Окончательно проснувшись, он в сердцах нажал на кнопку отключения звонка и со стуком бросил телефон на тумбочку, пробормотав при этом:

– Достал, зараза!..

– Он и меня достал! – заспанным голосом откликнулся Стас. – Минуты две лежал, ждал, когда ты наконец проснешься и отключишь его. Что такой сердитый? Недоспал маленько?

– А-а-а... – досадливо отмахнулся Гуров. – Тут такое приснилось! Представляешь, увидел во сне одну из участниц будапештского симпозиума, и она пообещала мне назвать имя женщины, которая была в доме Захарухина. Только начала говорить, и тут – будильник. Твою дивизию!

– Хм... Мне почему-то всегда казалось, что тебе может сниться одна только Мария, – со скрытой подначкой в голосе невинно откликнулся Крячко. – Участница-то хоть молодая, симпатичная? Скажем, наподобие Карлы... нет, не Бруни, а Дель Понте? – Стас схватился за живот и затрясся от хохота, представив себе сновидение с участием бывшей гаагской прокурорши.

– И молодая, и симпатичная. Ну, и что из того? Мы с ней всего лишь обычные знакомые – я тебе о ней уже рассказывал. Кстати, от имени неаполитанской полиции приглашала в гости для обмена опытом, – пробурчал Лев, поднимаясь с кровати.

– Да-а-а?.. Не мешало бы! Мы ведь так до сих пор и не съездили в гости к синьору Леонардо, хотя и обещали. Эх, Италия... Эх, Сицилия... Золотые были деньки! Слушай, а может, и в самом деле как-нибудь соберемся и махнем туда на недельку?

– Рискни! – покачал головой Гуров. – Визу-то нам, может, и дадут, но в том же римском аэропорту нас запросто встретит наряд полиции с предложением проехать в их комфортабельное КПЗ гостиничного типа.

– Ты думаешь? – разом скис Крячко. – Ну, ладно... Прощайте, голубые мечты, здравствуй, суровая реальность.

Пока Лев делал разминку и плескался под душем, Станислав меланхолично курил на балконе, после чего оба отправились завтракать. Вскоре к гостинице подъехала милицейская «Волга». Постучав в их номер, на пороге появился молодцеватый, рослый капитан с русыми ухоженными усами.

– Здравия желаю! Капитан Коповой, замначальника угро судаковского райотдела, – бодро заговорил он. – Направлен к вам для оказания содействия в расследовании. Какие будут распоряжения? Кстати, вот дело об убийстве главы района Захарухина. – Он показал скоросшиватель толщиной с пару ученических тетрадей.

– Очень кстати! – Ответив на приветствие, Гуров взял скоросшиватель и перелистал бумаги – обычную канцеляристику такого рода.

Внимательно просмотрев протоколы допроса домработницы и охранников, свидетельские показания родственницы усопшего, заявившей об угрозах Урюпца в его адрес, всевозможные акты осмотров и экспресс-экспертиз, немногочисленные справки и пояснения, Лев пришел к выводу, что, несмотря на весь этот титанический труд, ничего существенного, что хотя бы в общем и целом давало представление о том, кто и за что мог убить главу района, эти грамотно составленные бумаги не давали.

Уведомив капитана о планах на сегодняшний день, Гуров захватил свой дежурный кейс «навесслучаи жизни», и они вдвоем направились к машине.

...Годом ранее.

По серпантину горной дороги, выбрасывая струи синего дизельного дыма, мчалась небольшая колонна десантных бронетранспортеров. Пять мощных многоколесных машин отправлялись по маршруту, ведомому только лишь их пассажирам в камуфляже, вооруженным автоматами и гранатометами. У некоторых были даже портативные огнеметы. Колонна двигалась в сторону одного из горных селений, где, по данным разведки, в лесах прятались боевики. Группа спецназа ВДВ особого назначения направлялась для ликвидации этого осинового гнезда, откуда «освободители Ичкерии» совершали свои налеты и набеги.

В бронетранспортере, шедшем впереди колонны, рядом с командиром подразделения, крепко сбитым, совсем еще молодым капитаном, в такой же камуфляжной форме сидела девушка с погонами прапорщика и большой медицинской сумкой через плечо. Санинструктор Нина Росинина уже несколько лет служила на Кавказе, и такие поездки для нее были делом обыденным. Случалось по-разному. Иногда взвод мог неделю сидеть на базе, занимаясь дежурной физподготовкой и какими-то текущими хозяйственными делами. Но чаще он

почти ежедневно, а то и по несколько дней подряд мотался по горам, вылавливая и уничтожая бандитов. Вот и теперь спецназовцам предстояло сыграть роль своего рода «антибиотика», губительного для двуногих «бацилл», несущих смерть и разрушение.

Покосившись в сторону Нины, капитан чуть заметно улыбнулся и негромко спросил:

– Чем опечалена? Почему вид такой скучный?

– Да... Что-то из дому уже вторую неделю нет никаких известий, – поправив камуфляжную бандану, пожала плечами Нина. – Не случилось ли чего?

– Не переживай! – Капитан сжал ее руку своей. – Сегодня у нас последний выезд. А как только придет замена, поедем сначала к твоим, а потом к моим. Эти тоже чего-то с письмами начали тормозить. И там, на месте, всеотрегулируем, все наладим и разоружим. Ты не против?

– Ох, Женька! – покачав головой, вздохнула девушка. – Смотри уж, не сглазь! А то...

Ее перебил оглушительный грохот взрыва, раскаленной струей бешеного огня ударившего снизу в днище бронетранспортера. Мощную машину подкинуло вверх, ее внутреннее пространство заполонило дымом и гарью через проломы в полу. Тут же с окрестных склонов гор раздалась автоматная и пулеметная трескотня, в сторону колонны БТРов шипящими змеями сорвалось несколько гранат, выпущенных из «Мухи». Теперь, кроме подорванной фугасом передней машины, загорелся и замыкающий бронетранспортер. Спецназовцы, быстро сориентировавшись в этой чудовищной обстановке, рассредоточились и заняли круговую оборону. Теперь и по склонам гор, где прятались боевики, загуляли свинцовые струи, то здесь, то там находя свои живые «мишени».

Придя в себя, Нина увидела капитана лежащим на полу, среди разбросанного оружия, стонущих и матерящихся парней... Чувствуя накатывающую слабость и тошноту, она нашла в себе силы и, буквально принуждая себя двигаться, отчаянным усилием выволокла Евгения из развороченной машины. Положив его за камень, Нина наспех перетянула бинтом ноги капитана, в нескольких местах пробитые осколками и, не обращая внимания на шквал свинца, льющегося отовсюду, вновь поспешила к бронетранспортеру. Навстречу ей выбрались двое солдат с окровавленными лицами, тащивших на себе тяжелораненых.

Когда в БТРе никого не осталось, Нина вернулась еще раз и, собрав оружие, поспешила в укрытие. Вовремя! Сорвавшись из-за огромного валуна, в уже подбитую машину метнулась оглушительно шипящая огненная «змея», после чего БТР вспучило взрывом боекомплекта. Разобрав автоматы, раненые спецназовцы открыли огонь по бородачам, которые, понадеявшись на то, что со стороны подорванного БТРа им ничего не угрожает, начали подбираться поближе, чтобы зайти во фланг или с тыла.

Прижав к плечу приклад, Нина короткими точными очередями вынудила залечь мордастого верзилу, которого она, скорее всего, сумела зацепить, попав то ли в руку, то ли в плечо, и отправила в «царство гурий» еще одного бандита, намеревавшегося полоснуть по ней из пулемета.

– Измена! – придя в себя, прохрипел капитан, с трудом взяв в руки лежавший рядом с ним автомат. – Какая-то штабная крыса слила чичерам наш маршрут. С-суки!! Таких не расстреливать, таких четвертовать надо...

Приподнявшись и стиснув зубы, он полоснул очередью по высунувшемуся из-за валуна боевику с гранатометом. Пули, выпущенные из автомата, с трудом удерживаемого в руках, пощадили бородача, и он смог безнаказанно шмыгнуть обратно. Зато другая пуля, прилетевшая откуда-то сверху, не пощадила капитана. Без единого вскрика он рухнул навзничь с пробитой насквозь из снайперской винтовки головой.

Увидев это, Нина на какое-то мгновение словно окаменела. Ее Женя убит! Немыслимое горе, ярость, ненависть к тем, кто погубил любимого человека, разом всколыхнулись в душе девушки, и она, продолжая гвоздить из автомата по уже понесшим потери и начавшим

поджимать хвост бандитам, все высматривала и высматривала, где же угнездилась эта ублюдочная «кукушка». А бой шел своим чередом. Скорее всего, бандиты даже не предполагали, что ни внезапность их нападения, ни мощь огня, обрушенного на горстку спецназовцев, не смогут деморализовать отряд противника.

Увидев, как упал еще один солдат, раненный снайпером, Нина догадалась, что мерзавец прячется за раскидистым кустом, растущим меж двух больших каменных глыб, напоминающих раскрытые крылья бабочки, и выпустила гранату из подствольника точно в середину куста. Взметнулся столб дыма и мелкого камня. Сквозь грохот она явственно услышала раздавшийся оттуда вой, и почти сразу же, держась за окровавленный левый бок и прячась за валунами, вверх по склону начал пробираться бородач, волочивший за собой снайперскую винтовку.

Когда бандиту уже казалось, что он наконец в относительной безопасности, сзади неожиданно раздался отрывистый, пронзительный свист. Бородач нервно оглянулся и... Вырвавшись из ствола автомата и в долю секунды преодолев разделяющие их более чем пару сотен метров, прямо в лицо ему вошел плотный рой свинцовых «ос», в лоскуты и лохмотья разворотив весь череп. Не жалея патронов, Нина изрешетила бородачую «кукушку», после чего, достав из-за камней свою санитарную сумку, поползла к сержанту, которого только что ранило в грудь навывлет.

...Подойдя к знакомой с детства калитке, с прибитым к ней пластмассовым олимпийским Мишкой образца восьмидесятого года, Нина почувствовала, как в груди что-то болезненно сжалось. Сколько же ее здесь не было?! Со времени прошлогоднего отпуска прошел год, а кажется, тысяча лет... Хотя почему и нет? Если считать, что там, в горах, иной день тянется как год, она сейчас, по сути, древняя старуха. Особенно остро Нина ощутила это в тот миг, когда на скромном погосте отдаленной курской деревни под троекратный залп салюта в землю опустили гроб с телом Жени. Если бы ее тогда с обеих сторон не поддерживали стоявшие рядом парни из их взвода, она бы наверняка упала пластом, не имея сил перенести свалившееся на нее тяжкое горе.

Неожиданно из-под калитки, выгибая рыжую полосатую спину, выбрался кот Тимоха. Настороженно приняв гостя, он мурлыкнул и, потершись боком о ее ногу, дал понять, что узнал свою хозяйку. «Ну, вот я и дома...» – наконец-то смогла улыбнуться Нина и, открыв калитку, вошла во двор.

– Ниночка! Дочка! – Увидев ее, выбежала на крыльцо мать. – А отца сегодня дома нету – на вахте он. Через неделю будет... – безрадостным голосом сообщила она, обнимая дочь.

Удивленно посмотрев на состарившееся, с потухшими глазами, полными боли и печали лицо матери, Нина вдруг почувствовала недоброе и встревоженно спросила:

– Мама, у нас что-то произошло? А где Анютка?

– Анютка... – всхлипнула мать. – Беда с ней случилась. Еще в том месяце. Мы тебе об этом специально писать не стали – ты и без того лиха хлебнула через край. Утром она пошла сдавать экзамен в училище и домой не вернулась. Искали ее всем городом. А потом дня через три в стороне Рыковки, в лесопосадке, ее нашли какие-то рыковские бичи. Металлолом там промышляли... Врачи уж думали, что не выживет Анютка – побили ее так, что внутри все кровью запеклось. Но она выкарабкалась, только... Только рассудок у нее повредился. Я уж ее и по бабкам, и по врачам возила. Все доктора твердят одно: безнадежна. Правда, один сказал, что где-то за границей... в Швейцарии, что ли, есть такая клиника, где ей могли бы помочь, только деньги на это нужны невесть какие.

Войдя в дом, Нина замерла у двери, увидев сестру, безучастно сидящую на кровати, с пустым взглядом, устремленным в никуда. Подойдя к Ане, она попыталась ее обнять, но та, пронзительно вскрикнув, резко отстранилась и забилась в судорожном припадке, широко

раскрыв ничего не выражающие глаза. Уткнувшись лицом в дверную притолоку, безутешно плакала мать.

– Загубили, проклятые, девчонку! – прерывающимся голосом выдавила она.

– А что милиция? Виновных, как всегда, не нашли? – спросила Нина, наблюдая, как мать поит Аню каким-то лекарством.

По словам матери, милиция в самом начале вроде бы взялась за поиски похитителей Ани очень активно. Опер, занимавшийся этим делом, проверил алиби всех Аниных знакомых. В результате поисков подозрение пало на Лешку Ветрякова, соседа по улице, которого утром того дня видели с Аней рядом с училищем. Парня даже забрали в КПЗ, но нашлись свидетели, подтвердившие его алиби. Постепенно дело переходило в разряд «глухих». Потом стало известно, что его передали какому-то новичку, а оперу, расследовавшему похищение Ани, поручили заниматься чем-то другим.

Нина сразу же отправилась в райотдел и, пройдя к операм, разыскала старшего лейтенанта Копового. Узнав, с чем к нему пришла чрезвычайно привлекательная, но очень строгого вида гостья, тот предложил девушке выйти с ним во внутренний дворик, где они могли бы поговорить без посторонних ушей.

– ...Вы можете упрекнуть меня в бездействии, – рассказав Нине о проведенной им работе, добавил Коповой. – Но, поверьте на слово, исходя из того, какими возможностями я располагаю, сделано было все по максимуму. К сожалению, никаких следов преступников найти не удалось – ни отпечатков пальцев, ни пуговиц, ни хотя бы волоса... Ничего! Кстати, происшедшее с вашей сестрой стало, как это называют журналисты, резонансным преступлением, поэтому его держало на контроле районное и областное руководство. Наш начальник ежедневно докладывал главе района о ходе расследования. Сколько мы шишек получили – не сосчитать...

Выслушав опера, Нина молча поднялась и пошла к выходу. Коповой тоже поднялся и окликнул ее:

– Нина! Знаете, хотя мне сейчас и навязали другое дело, о случившемся с Аней я не забываю. По мере возможности продолжаю искать свидетелей, трясу свою агентуру... Если появится что-то новое, обязательно вам сообщу. Да и вы, если вдруг что-нибудь узнаете, пусть даже незначительное на первый взгляд, звоните в любое время. Вот мои телефоны... – Вырвав листок из блокнота, он быстренько записал свои координаты и протянул Нине.

Она, все так же молча, взяла листок с номерами телефонов и ушла домой.

Через день на только что купленной бэушной «Ниве» Нина отправилась в Рыковку. Найдя тех двоих сборщиков металлолома и расположив их к себе литром отменного коньяка, она попросила показать место, где была найдена Аня. Мужики, воодушевленные гостинцем, не только показали, но и рассказали о том, что невдалеке от нее, на заброшенной дороге, они нашли оставленную кем-то борону, лежавшую зубьями вверх.

– Ну, когда «Скорая» и милиция уехали, мы за ней вернулись, чтобы в металлолом сдать, – сказал тот, которого звали Васькой. – Только ее уже не было – видно, менты забрали...

По словам мужиков, на этой бороне и кончался след какой-то машины, на которой, судя по всему, привезли истерзанную девушку. Скорее всего, машина напоролась на зубья, и неизвестные уехали на спущенных колесах. Созвонившись с Коповым, Нина узнала, что борону и впрямь обследовали эксперты, но ничего существенного им выявить не удалось. Впрочем, добавил опер, может быть, он и смог бы выйти на след машины похитителей, но из-за того, что его срочно перебрали на поиск серийного поджигателя, поиски пришлось отложить. И теперь возможность установить машину ушла безвозвратно.

Глава 3

Домработница Захарухина оказалась довольно крупной особой лет сорока, с румянцем во всю щеку. Гуров застал ее на кухне, где она по старой привычке готовила завтрак. Правда, теперь непонятно для кого. Возможно, для хозяйки, которая порой тоже любила наведываться в свой загородный дом.

Представившись, Лев предложил домработнице отложить пока кухонные хлопоты, чтобы они могли спокойно побеседовать. Присев в холле на кресло, он достал диктофон и, включив запись, спросил первое, что его интересовало больше всего, – кто и за что, по ее мнению, мог покушаться на хозяина. Подумав немного, женщина недоуменно пожала плечами:

– Даже не знаю, что и сказать... Меня вчера об этом же спрашивали. Я и ночью все думала... Вообще ничего на ум не идет.

– Ладно, а вот вы согласны с тем, что убийца – Урюпец? Кстати, не знаете, что там за история приключилась с его падчерицей?

– Не слыхала... Стану я всякие сплетни собирать! Мало ли кто чего болтает! Ну а Урюпца я издаля малость знаю... Да нет, он только на язык такой бойкий, а на деле... Наших-то охранников, Борьку с Данилой, он бы не скрутил. Тут был кто-то и проворный, и здоровущий, как бугай.

«Кремень! – мысленно отметил про себя Гуров. – Даже если что про Захарухина и знает, своего хозяина под пыткой не сдаст...»

Выйдя с ним во двор, домработница показала, где и как именно лежал связанный охранник Борька. Гурова интересовало все: в какую сторону лежал головой, как были завязаны узлы, как охранник объяснил потом случившееся с ним... Женщина вдруг припомнила, что вчерашним утром замок калитки оказался заперт на один оборот, а не на два, как обычно. Это ее несколько удивило. А войдя во двор, она услышала чье-то сдавленное мычание, доносящееся из-за большой каменной глыбы... Когда они вернулись в дом, домработница показала, как именно был привязан к стулу в гостиной охранник Данила.

Но очередной вопрос Льва, часто ли бывали у Захарухина гости и кто к нему приезжал, вновь остался без ответа. Домработница сообщила, что по распоряжению хозяина работала с утра до обеда, после чего отправлялась к себе домой, поэтому ничего не может сказать – гостей Захарухин обычно принимал во второй половине дня или вечером. Еще около получаса порасспрашивав ее о пристрастиях и вкусах хозяина, Гуров отправился в Судаково, где на одной из тихих улочек стоял старый особнячок деревенского типа, в котором проживал Урюпец.

Попросив капитана подождать его в машине, Лев нажал на кнопку звонка рядом с калиткой. Как он уже успел заметить, дом хоть и был давнишней постройки, но выглядел вполне ухоженным. Во дворе послышались шаги, калитка распахнулась, и Гуров увидел перед собой пышноволосую девушку лет восемнадцати в спортивной майке и шортах.

– Вам кого? – настороженно спросила она.

– Я из Москвы, вот мои документы, – показал служебное удостоверение Лев. – Хотел бы поговорить с членами семьи Урюпца... по-моему, Николая. Верно?

– Да, папу зовут Николаем, – все так же настороженно ответила девушка. – А о чем вы хотели поговорить? Все, что интересовало милицию, мы вчера уже рассказали. Больше добавить нечего.

– Лида... Вас ведь Лидой зовут? Так вот, Лида, вы, наверное, думаете, что я приехал, чтобы упечь вашего отчима в тюрьму, как подозреваемого в убийстве главы района? Ошибаетесь. Напротив, я уверен в его невиновности, и, думаю, очень скоро ваш отчим будет дома.

– Ну, хорошо, проходите... – Девушка посторонилась, пропуская гостя во двор. – Только хочу сказать, что слово «отчим» мне не очень нравится. Да, кровно Николай Афанасьевич мне не родной, но для меня все равно как родной отец.

– Извините, приму во внимание, – кивнул Гуров. – А ваша мама сейчас дома?

– Да, идемте...

Мать Лиды, типичная провинциальная домохозяйка, с тревогой выглянув из кухни, поинтересовалась весьма неприветливо:

– Вы из милиции? Да сколько можно толочь воду в ступе? Коль невинного человека вознамерились законопатить в тюрьму, так, наверное, теперь уже и не выпустите.

– Ма, не кипятись! – остановила ее дочь. – Лев Иванович из Москвы. Он говорит, что считает нашего папу невиновным.

– А-а... Ну... тогда извините, что сразу напустилась на вас, не разобравшись, – смущенно закашлялась женщина. – А что вы хотели узнать, Лев Иванович?

Присаживаясь на явно самодельный, но весьма искусно изготовленный стул, Гуров объяснил, что ему поручено раскрыть убийство главы района Захарухина, поэтому он встречается со всеми, кто волей случая так или иначе с ним сталкивался.

– Я понимаю, что вас его смерть едва ли сильно огорчила, и те, кто его убил, в гораздо большей мере вызывают ваше сочувствие. Но мне их надо найти. Во-первых, это моя работа. Во-вторых, если я не найду настоящих убийц Захарухина, «дежурным» кандидатом на отправку в тюрьму в любом случае будет глава вашей семьи.

– Ну а если он и в самом деле непричастен, если у него это... как его... алиби, что ли? – стискивая пальцы, с болью в голосе заговорила мать Лиды. – Как можно вот так просто взять и посадить человека?

– Причин тому много, но есть одна, главная: никто не хочет рисковать своим положением, своей карьерой, – невесело усмехнулся Лев.

С учетом того, как у нас научились стряпать заказные дела, найти липовых «свидетелей» и подтасовать факты для местных чинуш – раз плюнуть. Чтобы не ставить под удар свое благополучие, ответственные по делу об убийстве главы района кого-то гарантированно посадят – в этом не было никаких сомнений. Лев же за свою карьеру не беспокоился, поэтому, извинившись, что ему придется задать Лиде несколько не очень приятных вопросов, спросил, на самом ли деле имело место то, в чем ее отец прилюдно обвинил Захарухина.

– Да... – глядя в сторону, неохотно кивнула головой девушка.

– Это было принуждение или явное насилие с применением физической силы и угроз?

– Сначала принуждение, а потом он просто выломал мне руки... – чуть слышно ответила Лида.

Мать, отвернувшись, закрыла лицо руками и громко всхлипнула.

– Где именно это происходило – на работе или у него дома?

– У него дома. Он сказал, что едет в область на какое-то совещание и что ему там потребуется стенографистка и референтка. Когда поехали, он вдруг вспомнил, что забыл дома какие-то важные документы. Я уже тогда начала подозревать что-то недоброе, но и думать не могла, кем он окажется на самом деле. Он заехал в свой гараж и через какую-то дверь за руку потащил меня в комнату этажом выше. Ну, и потом... – Подняв руку к горлу, будто что-то мешало ей дышать, девушка замолчала.

– Эти детали опустим... – негромко произнес Гуров.

– Когда все закончилось, – переводя дух, продолжила Лида, – он отвез меня в Судаково, высадил рядом с нашей улицей и сказал, чтобы я держала язык за зубами. Дескать, если буду умницей, то с завтрашнего дня мне вдвое повысят зарплату, а если начну, как он сказал, дергаться, всей семье будет очень плохо.

– Вы куда-нибудь обращались? – спросил Лев, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у него начинало закипать.

Как далее рассказала Лида, отчим сразу же повез ее в областной центр на судмедэкспертизу. Вернувшись в Судаково, они написали заявление в милицию и прокуратуру. И тут же сразу началось... Той же ночью какие-то подонки подожгли их машину, припаркованную возле дома. На следующий день на этой улице начался ремонт водопровода и газовых сетей, и, как нарочно, прямо напротив их дома. Из-за этого они и их ближайшие соседи целый месяц сидели без воды и газа. Николай Урюпец в ту пору работал шофером в местном ЖКХ. Неожиданно его сократили, и больше он никуда не мог устроиться. Пришлось калымить по городу и окрестным селам. Но из транспорта у него остался один лишь велосипед. Много ли на нем наработаешь?

Когда Урюпец обратился в милицию и прокуратуру по поводу поданных заявлений, его уведомили, что они носят клеветнический характер и Лида сама теперь может быть привлечена к уголовной ответственности за заведомо ложные обвинения. Акт судмедэкспертизы, который ему показали в милиции, свидетельствовал об одном: никаких признаков того, что девушка подверглась насилию, не было и в помине...

– Вот тогда папа и решил хотя бы так сквитаться с этой тварью... – закончила Лида свое невеселое повествование. – Конечно, досталось ему тогда в ментовке здорово – все ребра переломали, зато после этого нас хотя бы оставили в покое.

...Гуров вернулся к машине, сел на переднее сиденье, оглянувшись, внимательно посмотрел на Копового, сидевшего сзади. Тот, как видно, понял его настроение и молча ответил столь же внимательным взглядом. «Ну у вас тут и сволота, куда ни плюнь!.. – читалось во взгляде Льва. – Что ж вы все тут такие продажные, как распоследние шлюхи?! И ты небось тоже из этой же ублюдочной кодлы?..» – «А ты попробуй, сидя по уши в дерьме, остаться чистеньким, – говорил дерзкий взгляд Копового. – Чем вешать собак на кого ни попадя, помог бы избавиться от этой насквозь прогнившей мрази!..»

– Слушай, капитан, ты давно работаешь в угро? – нарушив затянувшееся молчание, поинтересовался Гуров.

– Уже шестой год, сразу после института МВД, – с достоинством ответил тот. – С прошлого года – замначальника отдела.

– А в связи с чем произошло повышение? – В голосе Льва промелькнула нотка сарказма.

– Во всяком случае, не с в связи с делом падчерицы Урюпца, – уловив язвительный подтекст вопроса, сдержанно улыбнулся Коповой. – Им занимался другой. Я вычислил и поймал маньяка-поджигателя, по вине которого сгорели три семьи.

Гуров снова внимательно посмотрел на капитана, но теперь уже с явным уважением. «Похоже, он парень ничего – стоящий! – отметил он про себя. – И не жополиз, и с характером, и без истерик... Значит, есть и в этом болоте на кого опереться...» А вслух спросил:

– Что ты думаешь о том случае с Лидой Урюпец? Меня интересует просто твое мнение, а не суждение сотрудника угрозыска.

– Хм... – Коповой чуть поморщился и сокрушенно вздохнул. – Гнилое, конечно, дело. Тут всякие могут быть соображения. Но о них лучше особо не распространяться... – Он выразительно указал глазами на шофера, давая понять, что такую тему лучше обсуждать без посторонних свидетелей.

Когда прибыли к городскому следственному изолятору, был уже полдень. СИЗО, некогда находившийся на окраине города, со временем оказался в центре микрорайона новых девятиэтажек. Построенное в былые времена из темно-красного кирпича здание изолятора, окруженное почти тюремной стеной с «колючкой» поверху, смотрелось весьма угрюмо, как кладбищенский склеп.

– Товарищ полковник, – шагая рядом с Гуровым, негромко заговорил капитан, – я понял, что вы имели в виду, когда спросили мое мнение о происшествии с Лидой Урюпец. Так вот, будь моя воля, Захарухин уже давно сидел бы за такие «подвиги» в тюремной камере. И не в самом лучшем ее углу. Но вся беда в том, что он – личный друг Шашеля... Ну, нашего губернатора. Поэтому, прекрасно зная, что усопший – редкостная мразь, по которой тюрьма уже давно обрыдалась, вряд ли кто смог бы отдать его под суд. Это ведь вопрос даже не правовой, а политический.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.